

Доктор Нонна

Женский ликбез

Часть сборника
Верь, люби, живи! (сборник)

Доктор Нонна
Женский ликбез
Серия «Житейские истории»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375815
Доктор Нонна. Верь, люби, живи!: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50650-7*

Аннотация

Страна и город сменили имена, но не стали для Нины, Светы и их детей чужими. Старшая сестра встретила с отцом, однако общения не получилось: они не почувствовали своего родства, не знали, о чем говорить друг с другом. Идти знакомиться с родней не захотела. Светлана еще раз поняла, кого она потеряла, оставшись без матери и отчима. Вместе с Ниной они в каждый приезд приходят на кладбище – поклониться людям, давшим им жизнь и научившим жить.

И как Клара, в трудные минуты они дают своим детям уроки «ЛИКБЕЗА»: я хочу, чтобы эти уроки через много лет вы передали своим дочерям...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Доктор Нонна

Женский ликбез

Дети должны воспитываться незаметно – не словами, а личным примером.

Михаил Шнеерсон

Глава 1

Клара гладила дочь по голове и рассказывала, как будто не о себе.

Этот летний день должен был стать для нее самым счастливым: долгожданный выпускной бал, мечты, трепетное ожидание встречи. Клара закружилась перед зеркалом, черные волосы волной легли на плечи, спускаясь по белому платью вниз до узкого ремешка, змейкой перехватившего тонкую девичью талию. Это платье отец сшил за один вечер, по вдохновению, как он говорил об особо удавшихся вещах. «У еврейского портного Якова сколько сыновей? – начинал он серьезно и привычно спрашивать сам себя. Четыре сына! – с гордостью отвечал себе же. И принимался за семейную арифметику: – Илюшеньке – двадцать три года, Иосифу – девятнадцать, Петеньке – двенадцать и Гришеньке – пять. А дочерей сколько? – снова вопрошал он, ведя диалог

с незримым собеседником. — Одна дочка!» Любовью светились его добрые, прищуренные глаза, когда он поверх очков, отрываясь от работы, смотрел на восемнадцатилетнюю Клару.

Карие очи с томной поволокой, четко очерченные губы, нос с горбинкой — все говорило о ее происхождении. «Кларочка воспитана в традициях еврейской семьи, — с удовлетворением замечала приехавшая на лето к родственникам тетя Зоя. — Хотя в социалистической Белоруссии трудно сохранять традиции», — вздыхала она. По субботам дети ходили в синагогу вместо школы, но на результатах учебы это не отражалось. Золотая медалистка Клара мечтала стать врачом.

Но сначала на бал... «Как в сказке», — подумала она. И сказка началась. Мишка пригласил ее на танец. Пригласил! В круговороте вальса он прижал ее к себе, крепко, по-мужски властно, она зарделась, откинула голову назад, чтобы встретиться с ним взглядом, он понял ее движение по-своему и поцеловал на глазах у всех. Клара смутилась, но не отстранилась, а еще больше прильнула к нему. «Вот оно, таинство, которое возникает между влюбленными», — подумалось ей, и она стала грезить об их будущем. Мишка тоже был медалист. Они, учась в одном классе, постоянно соревновались, у кого будет лучше оценка. Высокий, худой юноша с цепким взглядом и острым умом. Все знакомые девчонки были влюблены в него, но он выбрал дочку портного. Просто знал, что она

будет его женой. В юношеских мечтах была семья: пятеро детей, и они с Кларой, двое ученых, знаменитых на весь мир.

Сегодня был сделан первый шаг: он поцеловал свою избранницу.

Оглушительная сирена прервала их поцелуй – по цепочке передавалась страшная новость: «Война!»

Они кинулись домой, и первое признание в любви Клара услышала на бегу, в суматохе спешащих, растерянных людей: «Я люблю тебя, слышишь?!» Она кивнула. «Жди меня, что бы ни случилось!» Клара скривила рот, боясь расплакаться. Сказка рассыпалась у нее на глазах. Остановившись у калитки ее дома, Мишка сжал ладонями Кларины щеки. «Люблю, – поцеловал он. – Я в военкомат». Клара взглядом, не в силах вымолвить ни слова, старалась остановить его. «Жди!» Но она поняла, что теряет его навсегда.

Дома мама судорожно собирала документы, маленький Гриша дергал ее за подол, роняя наспех связанные игрушки.

Яков суетился во дворе с поклажей. Уже была запряжена лошадь, все, что успели собрать в доме, свалили на телегу. Отец приподнял сына за подмышки и усадил на тюки.

– Быстрее, Клара, быстрее! – поторапливал он, помогая ей взобраться к брату.

Клара в выпускном платье показалась мальчику сказочной принцессой, она прижала Гришу к себе, он доверчиво заглянул ей в глаза и, увидев слезы, стал вытирать их ладо-

шкой. Клара не замечала ничего вокруг. Девушка пока не осознавала, что случилось, но страх вполз в душу, змеей сдавил горло, не давал возможности думать. Отец наскоро поцеловал ее, сынишку и заплакал, когда обнял жену.

– С богом! Гони! Лошадь отдохнувшая! Скорее! Береги себя, береги детей!

– Тате! – вскрикнул Гриша.

Отец нервно махнул рукой:

– Поезжайте! Поезжайте! Рир [трогай]! – перешел он на идиш.

Фаина неумело взялась за вожжи, лошадь нехотя подчинилась хрупкой испуганной женщине. Вскоре они присоединились к остальным беженцам. Деревья по обе стороны дороги шумели от ветра, листва сверкала на солнце. Безмятежный пейзаж не заслонял свалившееся на людей горе. Все ехали молча, женщины сосредоточенно правили лошадьми.

Часа через два остановились. Гришенька сладко спал, обняв любимую игрушку – пса Рекса, которого считал своим другом и с которым не расставался ни на минуту. Фаина и Клара отошли в пролесок по нужде. Первая бомбежка – самая страшная. Мать с дочерью кинулись к телеге, лошадь лежала на боку, уставив мертвый глаз в небо, а на месте телеги была воронка...

– Ай, Гришенька! Ай, сынок! – заголосила Фаина, всплеснув руками и хватаясь за голову. Клара вдруг увидела, что

мать стала совершенно седой. У Фаины отказали ноги, с усилием опершись на ладони, она качалась над котловиной из стороны в сторону, трясая головой. Ее стон переходил в животное мычание. Так ревет медведица над погибшим выводком.

– Мама, пойдем. Страшно здесь... Мамочка!

Фаина смотрела на дочь безумными глазами, силилась встать, голова кружилась. Мать даже сейчас пыталась помочь своему ребенку и взглядом говорила: «Держись, держись, не плачь обо мне, доченька». Потом легла на землю, загребая ее руками и целуя.

– Яша, нет у нас сына! Нет Гриши! – шептала она, стараясь не напугать дочь.

– Мамочка, уйдем отсюда. Надо догнать кого-нибудь, мамочка, милая, пошли!

Женщина застыла от горя. Клара гладила мать по голове, обняла за плечи, шептала ей ласковые слова – прошло много времени, прежде чем Фаина приподнялась, Клара увидела в добрых глазах матери благодарность.

– Дочка поможет, – сказала она. – Дочка поможет, – повторила она с надеждой.

А Клара вдруг почувствовала себя совершенно беспомощной. Она с трудом подняла мать и повела по дороге. Одиночество связало двух женщин крепче уз родства.

Клара не помнила, как они оказались в товарном вагоне, протиснулись вместе с беженцами. Сейчас, спустя двое су-

ток пешего пути, обе тяжело спали под монотонный стук колес... Клара обняла мать за колени и даже во сне боялась с ней расстаться.

Глава 2

Клара, как и многие из военного поколения, не любила вспоминать то, что пришлось перенести. Она обычно скуппо делилась тяжелыми переживаниями со своими дочерьми, только когда чувствовала, что это придаст им силы. Вчера старшая дочь Светлана похоронила сынишку Венечку, которого родила без мужа. Воспаление легких унесло жизнь трехлетнего ребенка за неделю. Никто в семье не мог понять, что всеобщего любимца, шалуна и озорника больше нет на свете.

– Самое страшное в жизни – потерять ребенка, но **надо найти силы и продолжать жить! Это первое правило,** которое должна знать каждая женщина: **что бы ни случилось, надо идти вперед, не оглядываясь и не вороша свое прошлое...** У тебя ведь дочка растет. Еще много сил надо, чтобы поднять Юлечку, дочка тебе поможет, – тихо говорила Клара. И Светлана понимала, что ежедневная, будничная забота о дочери не даст ей сойти с ума.

В поезде Клара страдала от духоты, вынужденной неподвижности, сильная боль в ногах не давала уснуть. Ремешки от босоножек врезались в кожу. Она пыталась встать, но застонала и сразу села. Ремешок на правой ноге лопнул. На натертой коже выступили капельки крови. Клара разулась и огляделась: измученные люди, грязные, голодные, оглушен-

ные случившимся, прижимали к груди узелки – единственное, что осталось из прошлой жизни.

Дети ныли. От запахов нечистот нечем было дышать.

– Мама! – позвала Клара.

– Ты старуху седую ищешь? – спросила девушка, сидящая рядом. – Так она сошла на прошлой станции. Все Гришу какого-то искала.

Клара испугалась, снова попыталась встать, но потеряла сознание.

В N-ске была конечная остановка товарняка. Молодая соседка, которая обозвала Фаину старухой, растолкала измученную Клару.

– Да ты горишь вся! Конечно, в тоненьком платьице и босиком, – пожалела она ее. – Пошли, милая, я помогу тебе.

Она почти тащила больную Клару. Постучали в ближайшую избу.

– Нет у нас места! Уже три семьи поселилось! – сердито отказала открывшая дверь девушка.

– Да она больная, не могу я ее тащить дальше!

– А у нас что, лазарет, что ли?! погоди, ладно, положи ее у печи на лавку, да, да. В тот угол.

Утром Клара увидела молодую хозяйку в ином настроении.

– А-а, проснулась, красавица! Мы даже твоего имени не знаем. Откуда ты?

– Здравствуйте. Меня зовут Клара, мы попали под бом-

бежку... У меня нет документов... Беженцы мы, из Минска. Мы с мамой ехали, потерялась она.

– А я Наташа. Будешь у меня жить, – категорично сказала девушка и, словно споря с кем-то, упрямо тряхнула кудрями. – Здесь с нами еще три семьи, потом перезнакомишься.

Она стала рассматривать Клару с головы до ног.

– Красивое платье – как у принцессы, – без зависти отметила Наташа. – В товарных вагонах в таких не ездят, дурочка! Выпускница? Ой, и ножки у тебя кукольные. Хотя что я? А, все равно другого ничего нет, – она протянула Кларе резиновые сапоги 40-го размера.

Отек ног у Клары еще не сошел, поэтому она даже была рада, что сапоги большие.

– На завод работать пойдешь, – решила за Клару Наталья. – Начальника зовут Игорь Степанович. Он горбатый, потому его на фронт не взяли. А люди на заводе нужны, тебя возьмут. И потом мать разыщешь. Вот поешь! – она протянула ей картофелину в мундире и кружку морковного чая.

Кларе показалось, что вкусней она в жизни ничего не ела. Даже штрудель, который пекла мама по праздникам, не был такой вкусный, как эта картофелина. Горячий чай придал девушке сил.

– Дайте мне адрес. Спасибо большое, что приютили...

– Завод тут рядом. Повернешь за угол и увидишь трубы. Подойди к проходной...

– Наташа, а как мне маму найти?

– Запрос на все станции надо сделать. На вокзал иди.

Прошла неделя. Маму Клара не нашла, но устроилась на завод. Игорь Степанович показался ей самым мерзким мужчиной, какого она когда-нибудь видела. Бородавка на щеке под глазом, покрытая «кустиком» щетины, вызывала отвращение. Когда Клара на него смотрела, то изо всех сил старалась не морщиться. Как самую молодую и бездетную, он ставил ее на две смены и затыкал ею все производственные дыры. Клара не привыкла к физическому труду и еле держалась на ногах. Шум цеха гудел у нее в ушах даже по дороге домой.

Наташа не давала ей работать по хозяйству.

– Успеешь еще. Попривыкни пока.

День сменялся ночью, ночь – ранним утром... Прошло беспросветных три месяца, когда наконец мать с дочерью увиделись. Фаина тоже искала Клару все это время, узнав конечную остановку их поезда, приехала в N-ск.

Мама очень изменилась, словно погасла от горя: глаза у нее не блестели, плечи безвольно опустились. Она очень похудела и, еще далеко не старая, выглядела тяжелобольной.

– Доченька, солнышко мое, что же теперь будет?

– Все хорошо, мамочка, мы сейчас вместе! А это главное, – приговаривала Клара, обнимая маму.

Наташа разрешила им жить вместе.

– Одним больше, одним меньше, – сказала она, тряхнув непослушными русыми кудряшками и улыбнулась. Это было

привычное для нее движение, когда она принимала простое для себя решение. Клара завесила их угол ситцевой, выцветшей простыней, и теперь он стал похож на комнатку.

Глава 3

Мама работать не могла, у нее от артрита опухли все суставы, давление, как она говорила, «зашкаливало», и бедную женщину шатало из стороны в сторону. Пищевой паек приносила только Клара. Они вдвоем недоедали. Мать помогала Наташе по дому. Советовалась с ней в поисках мужа и сыновей. От них не было никаких известий. Мать очень волновалась за двенадцатилетнего Петеньку, которого не успели забрать из пионерского лагеря. Отец тогда сказал:

– Детей эвакуируют в первую очередь, не волнуйся!

Но сейчас докатились вести о концлагерях для евреев, и все оставшиеся в Минске родственники, по страшным Фаиным догадкам, видимо, попали туда. Тема эта в доме не обсуждалась. Несмотря ни на что, в сердцах Клары и Фаины теплилась надежда на встречу.

В один из редких вечеров, когда Клара отсыпалась в их углу, мама присела к ней на лавку и взяла за руку.

– Доченька, стань ты любовницей этого Игоря. Говорят, что у некоторых и пищевой паек получше, и... – она замолчала, увидев прищуренные от гадливости и боли глаза дочери.

– Ты должна выжить! Запомни, моя хорошая! **Женщина может все, если захочет!** – гладила она руки дочери.

Мать тихо вышла из дома. Эти слова Клара запомнила на-

всегда. Это был второй урок, который она позже давала и своим дочерям.

Наступила зима. Белорусские названия зимних месяцев «студзень» и «люты» именно здесь оправдывали свое название. Холодный ветер студил лицо, морозил руки. Снег завалил Наташину избушку. Сугробы поднялись до окон. Мама рассталась с золотым кольцом, которое не снимала с пальца уже двадцать пять лет. Колечко подарил ей первый муж. Молодой инженер умер от чахотки в Смоленске. Старший сын был от него. Красавец Илюшенька тоже выучился на инженера. Фаина перебралась в Минск. Вышла замуж за портного из столичного ателье. Семья обжилась, Илья с отчимом хорошо ладили. Мать мечтала, что сын женится, родятся внуки... Война лишила смысла все прежние планы. Сегодня единственным смыслом было помочь друг другу выжить. Кольцо Фаина обменяла на две старые телогрейки, Кларины цепочка с кулоном и серьги (подарок отца на выпускной) ушли на валенки и два пуховых серых платка. Одна из Наташиных приживалок связала им варежки в благодарность за уход за заболевшим сыном. Днями Фаина оставалась дома одна, хозяйство и соседские дети были теперь на ее руках.

Больше к разговору о том, чтобы Клара стала любовницей Игоря Степановича, мама не возвращалась. И обменивать больше было нечего. Жили они впроголодь, но Фаина всегда умела сварить кашу из «топора». Иногда она мастерила за-

тейливые игрушки, полюбившиеся Н-ским ребятишкам. Получив обрезки свиной кожи (это был огромный грех, потому что есть свинину евреям запрещено), мама говорила:

– Я помолилась и попросила прощения. Господь знает, что этот шаг мы сделали, чтобы выжить.

Иногда вместо картошки ей платили мерзлой капустой. Это был праздничный обед: щами пахло на всю избу. Но зима была такой холодной и долгой, что мама просто слегла. Она лежала на сундуке в еле протопленном доме в телогрейке, валенках и платке и почти ни с кем не разговаривала, не жаловалась на недуг и не ожидала помощи от давно уставших душой и телом людей.

Однажды, вернувшись домой, Клара услышала тревожный шепот мамы:

– Доченька, это ты?

– Ты что, мама? Я, конечно.

– Кларочка, дочка, я не вижу. Вчера вечером пришел ответ на наш запрос в военкомат... – Слезы катились по щекам, глаза были широко раскрыты. – Погиб Илюшенька. На третий день войны...

Так мама ослепла от горя. Клара обегала весь Н-ск, нашла врача и с огромным трудом уговорила прийти к ним домой.

– Вы что, девушка?! С ума сошли, в самом деле? Я один врач на три района остался. Никуда я не пойду. Веди сюда.

– Да она не поднимается. Неходячая она, второй месяц уже. И слепая. Похоронку на сына получила. Не бросайте в

таком горе, доктор! Умоляю! – Клара встала на колени и начала целовать врачу руки.

Звали врача Алексей Иванович. Он поднял ее, посмотрел в огромные глаза, наполненные мукой и отчаянием, и влюбился.

– Жди! – сказал доктор хриплым голосом.

Осмотрев маму, Алексей Иванович сообщил Кларе:

– Это авитаминоз и нервный срыв, потом будет депрессия. Фрукты и овощи ей нужны, а также курорт с минеральными водами, сказал бы я в мирное время, но сейчас это нереально. Не-ре-аль-но. Вот рецепт на лекарство.

На следующий же день Клара решительно зашла в кабинет Игоря Степановича, повернула ключ в дверях и начала быстро раздеваться. Игорь Степанович вжался в стул, покрылся липким потом. Клара привычным жестом вытянула шпильки из косы, и волосы тяжелой волной упали на плечи. Девушка обладала идеальной фигурой, Игорь Степанович отметил про себя и молочную кожу, и роскошные пряди, которые стыдливо прикрыли девичью грудь, но она торчала сквозь них, как будто просила дотронуться до нее. Соски от холода сжались в тугие кнопки, кожа стала гусиной. Клара закрыла глаза и обреченно легла на кожаный потрескавшийся диван. Все, что она запомнила, – это шероховатость дивана и дикую боль при лишении девственности. И еще... В

руках у нее оказались пищевые талоны. В это же день Клара выменяла талоны на деньги и купила лекарства для мамы.

Фаина выздоравливала, а Клара увядала, но для мамочки она была готова на все. Так она думала до...

Прошли долгих два года войны. Теперь Игорь Степанович требовал не только секса, он хотел свадьбы. Он целовал Клару, а та долго потом помнила запах гнилых зубов. Когда она впервые увидела, как он одевался после близости, ее потрясло его уродство – между лопатками был огромный горб, покрытый черной шерстью, напоминающий выросшую не в том месте голову.

В тот день Клара после очередного соития подошла к письменному столу у окна, у нее что-то щелкнуло в голове, она взяла бронзовый бюст товарища Сталина и с размаху бросила в мучителя. Игорь Степанович стал медленно оседать. Из виска текла тонкая струйка очень темной крови.

«Даже кровь у него черная, как душа», – почему-то спокойно подумала Клара. Он лежал на правом боку с открытыми глазами и не двигался. Клара никогда так близко не видела мертвых, но сразу поняла, что мучитель умер и что убила его она. Девушка быстро оделась, выскочила из приемной и побежала за доктором.

С тех пор, как он лечил маму, она избегала встреч с ним. Клара ворвалась в кабинет к врачу, он, не поворачивая головы и не видя ее, грубо произнес:

– Вы что, не видите?! У меня больная! – И тут он поднял глаза. – Что с мамой?

– Не с мамой. Помогите мне, – прошептала Клара. Она схватила его за руку... Несколько минут спустя они шли по заводской улице.

– Да он же мертв! – воскликнул доктор, осмотрев Игоря Степановича.

– Что же делать? Это я его убила! Я больше не могла...

Клара разрыдалась.

– Кто видел, что ты была здесь?

– Мы встречались после того, как он отпускал секретаршу.

– Я все сделаю. А ты исчезни на недельку. Я дам тебе больничный. Лежи дома и кашляй!

Глава 4

Клара тяжело встала со стула.

– Пойду ужин разогрею. **Еда всегда улучшает настроение. Это тоже урок тебе, доченька. Время все отодвинет, погасит яркость боли, превратит в прошлое...**

Света подняла глаза на маму, стараясь зацепиться сознанием за ее последнюю фразу. Мало что могло ее утешить сегодня, но, продолжая жить, она инстинктивно, сама того не замечая, тянулась к людям, к общению. Мамин голос, возможность говорить с ней сейчас держали Светлану на плаву. Мать стала для дочери буксиром, тянувшим ее из провала несчастья к нормальной жизни.

Клара вернулась из кухни, неся на подносе разогретую жареную картошку, котлетки и соленые огурчики. Впервые после похорон сынишки Свете захотелось есть. Рот быстро наполнился слюной, а воспоминания мамы о голоде во время войны сжали желудок, как тисками. Мама поставила перед ней еду и продолжала свой рассказ-урок...

Так в двадцать лет она стала любовницей Алексея Ивановича. Ведь у него были дети – два сына-погодка. Клара ничего от него не требовала и не ждала.

Когда они были вместе, Клара ничего не могла понять: он всегда выключал свет и терся об нее, как кот об половик.

Только много позже она смекнула, что Алексей Иванович не хотел, чтобы девушка занималась сравнением, которое при том, что он высокий красавец, было бы не в его пользу. В общем, не принято об этом говорить, и Клара позже дочерям скупом повествовала об интимной близости. Но на самом деле оттого, что она не имела никаких чувств ни к первому, ни ко второму любовнику, то и было ей все равно, каков тот или иной в постели и какими размерами может каждый похвастаться.

Но большого сексуального опыта у нее не было, и за то, что он спас ее от тюрьмы и скрыл убийство, она выполняла все его требования. Как ни странно, именно о нем у нее остались самые светлые воспоминания, связанные с войной и... с яблоками. Да! Он приносил на свидания, которые происходили в подвале поликлиники, маленькие зеленые яблоки. Они так божественно пахли...

Еще через год семью нашел отец: его ранило под лопатку, он попал в госпиталь, потом был демобилизован...

Клара как-то пришла утром с ночной смены. Худая, с огромными глазами, с тяжелой косой, уложенной вокруг головы, она была похожа на Деву Марию, сошедшую с иконы. Когда она подошла к углу, где жила с мамой, то услышала возню за занавесками. Распахнув их, она замерла: мама была с папой. Клара вскрикнула от неожиданности.

– От-т-твернись, доченька, – заикаясь сказал отец.

Клара присела на пол и истерически зарыдала. Она не хо-

тела ни представлять, ни знать, что отец с мамой тоже занимались ЭТИМ! Сексуальную близость Клара воспринимала только как унижение, боль, замаливание грехов, но не как таинство между мужчиной и женщиной. После этой сцены она не то что отвергала отца, просто сторонилась его, не давала себя обнимать и уж подавно целовать. Почему-то близость мамы с отцом ассоциировалась с ее отношениями с Игорем Степановичем. Перед глазами вставал горб, покрытый черной шерстью. Клару передергивало, и она в мыслях сразу отвергала общение с мужчинами, которое может доставлять удовольствие и вызывать страсть.

Она сказала Наташе, что переедет к соседке, у которой недавно умерла старушка-мать. С приездом отца Клара с мамой голодать перестали. Отец шил шинели для фронтовиков, выполнял разнообразные заказы от простых горожан, а вскоре занялся обновлением гардероба местного начальства, и его очень ценили. После работы Клара заходила к родителям, отец всегда сидел за швейной машинкой, которую не без труда впихнул в их отгороженный угол. Штору он отодвигал, чтобы тусклый свет с давно не мытого окна хоть как-то проникал в их закуток. Мама доставала из-под подушки еду и заставляла есть там же, в углу, чтобы Кларе больше перепадало. Соседских малышей Фаина теперь могла часто подкармливать, но ведь свое дитя дороже. Фаина всегда говорила:

– Сначала мой ребенок, потом чужие... **Запомни, до-**

ченька, ребенок даже в пятьдесят лет остается для матери ребенком...

Этот урок Клара запомнила на всю жизнь. Ей исполнился двадцать один год, а для Фаины она все еще оставалась ребенком.

Четвертый год войны преподнес Кларе сюрприз. До сих пор не было никаких известий о среднем сыне Иосифе и о младшем Петеньке. Клара оставалась единственным ребенком, который был у матери перед глазами. Папа успокаивал маму, говоря, что он уже взялся за поиски эвакуированного из пионерского лагеря сына.

Отец шил и всегда пел на идиш. Хозяйка, Наталья, в тесном кухонном углу крутилась с кастрюлями перед отцом и спрашивала:

– А на каком языке, Яков, вы поете?

Отец отшучивался. Но когда ему надо было что-то сказать по секрету маме, он переходил на идиш. Кроме мамы, папа никаких женщин не замечал. Она была для него всем: вдохновителем, домашним очагом, любовницей.

Клара, как всегда, зашла поужинать после работы. С тех пор как вернулся отец с фронта, мама потихоньку ожила, у нее даже румянец проступил на щеках. Она ведь была еще молодая женщина – всего сорок четыре года. Мама достала горячую картошку, кусочек хлеба и половину луковицы.

– Кушай, доченька, даже в луке есть витамины, – вздохнула мама.

Тут Клара вдруг заметила, что у мамы выпирает живот.

– Мама, ты что, беременна?

– Да... Через несколько месяцев рожать... – зарделась вдруг Фаина. – Жизнь-то продолжается, доченька. Рожу мальчика – Илюшей назову... – вдруг слезы потекли по ее щекам, и мама присела на кровать.

– А доктору ты показывалась?

– Нет, родная, стыдно мне его этим отвлекать. Война... А роды – дело обычное... Наталья, добрая душа, сказала, опыт есть, поможет!

Глава 5

Два месяца пролетели как один день. Серые, военные, безрадостные будни запомнились Кларе тяжелой ломотой в спине, сексом по принуждению, грязью немытого тела и запахом нечистот. Клара испытывала только два желания: есть и спать.

Самым неприятным и неудобным для нее тогда были женские критические дни. Ни чистых тряпок, ни ваты... Летом заворачивали лопухи в рваную ветошь, чтобы кровь не текла по ногам... Счастье было, когда от усталости и недоедания критические дни не приходили. Вероятно, поэтому Клара и избежала беременности.

– Клара, иди скоренько домой! – крикнула ей, зайдя в цех, мастер, пятидесятитрехлетняя женщина.

Клара бежала так быстро, что через три минуты открыла дверь дома, где жили мама с папой.

Из-за занавески раздавался нечеловеческий крик, она не сразу узнала голос мамы.

– Беги, девонька, за доктором. Не родить ей! Не так ребеночек идет, не сумею я... – быстро шептала Наталья.

– А отец где?

– Да он сознание потерял. Теперь у меня в углу лежит. Белый весь.

Клара не помнила, как оказалась уже вместе с доктором

Алексеем Ивановичем у кровати матери, которая уже не кричала, а мотала головой из стороны в сторону, стиснув зубы.

– Помогай, – скомандовал Алексей. – Крови не боишься?

– Не знаю...

Дальше он разрезал промежность и вытащил... Клара ойкнула и осела от увиденного. Это были... сиамские близнецы. Две головки, два сросшихся тельца, сплетенные ручки и две ножки. Это были девочки, умершие еще в утробе.

– Заверни плод в тряпочку. Пусть отец закопает во дворе. Не надо их никому показывать, – он вытер лицо грязным кухонным полотенцем и вышел, сутулясь, из дома...

Мама неделю лежала без слез, без каких-либо заметных эмоций и, не отрываясь, смотрела в серый, потрескавшийся потолок. Папа гладил ее по голове, в его усталых глазах стояли слезы. Он вздыхал и уходил шить. Клара приходила вечером и пыталась покормить маму и отца, конечно, ей не всегда удавалось приготовить хоть что-то сносное, но из-за голода съедалось все.

Ровно через неделю мама встала, помылась, привела себя в порядок и никогда больше не вспоминала об этой беременности и не упрекала отца. Как-то, когда Клара была уже замужем, она сказала ей:

– Мужчинам всегда нужен секс. Ты откажешь, другая – нет. Вот и вся теория.

Все имеет свое завершение. Война шла уже четвертый год. Сводки с фронта говорили, что близится ее конец. Но чем ближе была победа, тем больше похоронок приходило в Н-ск. Наташин брат пропал без вести. «Надо надеяться. Надо надеяться», – говорил рыдающей девушке отец Клара.

Уставшим от военного лихолетья женщинам наперекор горю хотелось любви, ласки, особенно с весной. Теперь отец шил не только шинели, но и женские платья. Для Наташи он повторил свой, как он выразился, «шедевр», перешив Кларино выпускное платье.

– Наташка, – воскликнула на примерке Клара, – тебе бы в кино сниматься, а не у печи стоять!

Наташа смущенно разглаживала складки платья.

Увеличившееся число заказов позволило снять нормальную комнату в соседнем доме. Клара видела, как физически и морально страдает мама от неизвестности о двух пропавших сыновьях. Надежд становилось все меньше, а страх за них съедал мать изнутри. Она даже ростом казалась ниже. Ела, как птичка, но внутри был стержень, и она оставалась главной в их семье, как и до войны...

С тех пор как Алексей Иванович помог маме разродиться, он оставил Клару в покое. Видимо, сиамские близнецы потрясли и его, и он проецировал эту картину на отношения с Кларой. Мама в очередной раз спасла ее, хотя сама об этом и не знала.

Весной сорок пятого, когда об окончании войны еще не

объявили, родители засобирались домой... Но не в Белоруссию, как думали отец и Клара. Однажды мать сказала:

– Мы теперь будем жить в Ленинграде у сестры Манечки.

– А как же дом? – засомневался муж.

– А есть ли дом, Яков? Что осталось от Минска? Там погибли мои дети. Мне будет невыносимо помнить – здесь учился Илья, а здесь Гришенька играл... Нет! Переберемся в Ленинград, а после ты поедешь искать Иосю и Петеньку.

Глава 6

Больше к этой теме не возвращались. И снова перед ними товарные вагоны, раненые, калеки, солдатики, которым едва исполнилось девятнадцать лет...

В эвакуации их пугали описаниями блокадного разрушенного города. Но, оказавшись в Ленинграде, они увидели все же не мертвый город, а город, который сумел выжить в годину испытаний, ленинградцы сохранили его, заплатив, как и при возведении «стольного града», дорогую цену. Водопровод работал. Его как-то поддерживали – он был глубоко закопан. Не было отопления, поэтому трубы в домах полопались зимой 1941/42 года, но их потом, к следующей зиме, починили. За водой на Неву ходили далеко не все – в городе работали колонки от этого самого водопровода. Не у всех была канализация в самой квартире, но где-то недалеко непременно была. И свет был. И трамваи ходили. Мыться можно дома, если нагреть воду. А вот с дровами было туговато, поэтому топить печки начинали только к декабрю – чтобы хватило. Это рассказал Фаине дворник дядя Митя, узнавший ее, потому что они с сестрой были очень похожи.

– А Манечка ваша – герой. И своих спасла, и чужих деток подкармливала, когда соседка карточки потеряла.

Они поднялись на второй этаж старинного здания на Херсонской. Фаина нажала на звонок, потом подумала, что он

не работает, и стала стучать в дверь. Открыла тетя Маня не сразу. От голода она еле передвигала ноги. То, что они увидели, поразило Клару.

В квартире, где жила тетя Маня (ее муж до войны был директором универмага), не осталось ничего, кроме кровати... Старинная мебель была сломана, ею тетя топила «буржуйку». Книг, которых раньше было великое множество, тоже не осталось.

Сама тетя Маня усохла, руки плетью висели вдоль тела, платье мешком болталось на худых плечах. Тетя Маня держалась за стену, ее шатало от голода. А из прежнего внешнего облика она сохранила только небесной голубизны сияющие глаза. От ее мужа Арона не было никаких весточек уже два года. Истощенные дети-старички сидели на той же единственной кровати и настороженно смотрели на родственников, которых не очень помнили: Зойке было уже двенадцать лет, а Мишеньке – восемь.

– Почему ты не эвакуировалась с детьми, Маша? – спросила Фаина.

– У меня сил не было выйти из дома. Да и, слава богу, все закончилось...

Фаина быстро кинула узлы на пол. Пошла на кухню и принялась варить суп. Хорошо, что она привезла продукты: крупу, картошку, черствый хлеб, тушенку...

Из кухни поплыли ароматы, давно забытые в Ленинграде. Вдруг Фаина истошно закричала:

– Яша! Ой!..

Когда отец, тетя Маня, ее дети и Клара появились в дверях кухни, они увидели...

На кухонном столе сидела крыса, сложив молитвенно лапки, и голодными глазами смотрела на маму.

– А, это же Симка! – улыбнулась Зоя. – Так мы называли эту крысу. Она как-то пришла вечером и вот так же встала на лапки. Может, ее кто-то приручил, а потом умер в блокаду? Я ее подкармливаю, чтобы она нас не трогала. Ой, Кларочка, а другие их ели. И ворон, и кошек, – Зойка вздохнула.

Фаина от удивления присела на пачку уцелевших книг в углу кухни.

– Яшенька, но я боюсь ее... Ей-богу, не могу смотреть.

– Раз она их во время блокады не тронула... Не бойся, милая! Крысы – существа разумные.

Так они стали жить все вместе: семья тети Мани, мама, папа, Клара и... серая Симка.

То, что тетя Маня рассказывала про блокаду, не вытеснило все картины их эвакуации, но временами Клара забывала про убийство своего горбатого мучителя, вынужденные любовные игры с доктором, холод, недоедание, маминых сямских близнецов и даже жуткую воронку от взрыва, когда погиб Гришенька. Отец все время пытался узнать о судьбе младших сыновей, посылая запросы в Минск.

Постепенно Фаина, как и в N-ске, привела квартиру в порядок: отмыла полы, окна, кухонную утварь. Перестирала

все вещи, которые остались. Устраивала банные дни, когда грелась вода и все семейство купалось. А главное – откормила детей и тетю Маню. Отец нашел работу, клиенты передавали информацию о нем друг другу. Получив известность в городе, он стал обшивать жен чиновников, которые отнюдь не бедствовали, даже во время блокады...

Глава 7

– Запомни, доченька, пока ты дышишь, надо оставаться человеком: убирать жилье, стирать, готовить... Это помогает отвлекаться от черных мыслей.

Когда Клара начала жить самостоятельно, она стала воплощать в самых тяжелых ситуациях и этот урок жизни.

Наступил день окончания войны. Клара шла по Невскому и плакала навзрыд. И не могла понять, плачет она от радости или от горя: лучшие годы юности прошли в ужасе войны... И вот этот морок закончился! Ей хотелось кинуть обвинения проклятому Гитлеру: столько людей погибло, столько разрушений, какой ад он устроил на земле!

А на улице бушевал май, и Клара чувствовала в себе прилив весенней силы: она жива, здорова, молода! Клара ускорила шаг и уже почти бежала домой, распахнула настежь дверь и крикнула:

– Все! Закончилось! Жизнь начинается! – и кинулась целовать остолебеневшую маму, оторвавшегося от швейной машинки отца, растерянную тетю Маню, детей.

У всех было ощущение, что они долгое время были под водой, без воздуха и шансов выплыть, и вдруг их вытащили за волосы и приказали:

– Дышать! Дышать!

А они так долго не дышали, что разучились. Хватаешь

ртом воздух, а горе, которое пришлось пережить, сжимает горло. Сердце радостно стучит и прыгает, как непослушный ребенок, а нашалившись, вдруг затихает...

– А Иосиф, а Петенька-а-а!!! – рыдала мама.

– А мой Арон? – вторила ей тетя Маня.

– Завтра я поеду в Минск, сам разыщу детей, – уверенно сказал Яков.

Его не было дома почти месяц... Вернулся он почти стариком. Перед Кларой стоял осунувшийся, сломленный горем человек, ее отец.

– Петенька... Их не успели вывезти... Начальство забрало грузовики для своих семей. Дети нашли пристанище в соседних с пионерлагерем деревнях. А спустя три месяца Петя пошел искать нас в гетто. Он был такой беленький, что никто не верил, что он еврей. Петенька нашел бабушку своего друга, Ревекку, она умоляла его вернуться в деревню, но он пошел в гетто... Через сутки их всех сожгли, – отец качался из стороны в сторону, плакал и не стеснялся слез.

– А Иосиф пропал без вести со своей белорусской ротой. Их взяли в плен. Вот извещение, – помолчав, отец добавил: – И нашего дома в Минске больше нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.